

Все кувырком

Сдержать белогвардейское наступление все это, естественно, не могло. Разгром был полный. А. И. Деникин со сдержанной гордостью вспоминал это время: «Кавказская дивизия корпуса Шкуро разбила Махно под Гуляй-Подем и, двинутая затем на север к Екатеринославу, в ряде боев разбила и погнала к Днепру Ворошилова... Опрокидывая противника и не давая ему опомниться, войска эти прошли за месяц 300 с лишним верст. Терцы Топоркова 1 июня (13-го н. ст.) захватили Купянск; к 11-му (24), обойдя Харьков с севера и северо-запада, отрезали сообщения харьковской группы большевиков на Ворожбу и Брянск и уничтожили несколько эшелонов подходящих подкреплений... Правая колонна ген. Кутепова 10 (23) июня внезапным налетом захватила Белгород, отрезав сообщение Харькова с Курском. А 11-го (24), после пятидневных боев на подступах к Харькову, левая колонна его ворвалась в город и после ожесточенного уличного боя заняла его.

16 (29) июня закончилось очищение Крыма, а к концу месяца мы овладели и всем нижним течением Днепра до Екатеринослава, который был захвачен уже 16 (29) числа по собственной инициативе ген. Шкуро.

Разгром противника на этом фронте был полный, трофеи наши неисчислимы...» (17, 104-106).

Как видим, для командующего Вооруженными силами Юга России разгром Махно представлялся лишь частностью в очень крупномасштабной операции, а не ключевым моментом, предопределившим развал Украинского и Южного фронтов, и уж тем более не предательством, каким бы хотелось объяснить этот развал Троцкому. Однако наркомвоенмор, будучи верен себе, продолжал отыскивать виноватых и клеймил на этот раз 13-ю армию А. И. Геккера: «Армия находится в состоянии полного упадка. Боевая способность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает...» Впрочем, не без сарказма добавляет к этому Деникин, все сказанное в равной мере могло быть отнесено к 8, 9, 14-й армиям (17, 106).

Крымская армия Дыбенко, столкнувшись с высадившимся в районе Коктебеля белогвардейским десантом генерала Слащева, тоже очень быстро потеряла боеспособность и стала попросту разбегаться. «Сил, действительно революционных, оказалось не так уж много, – с горечью констатирует современник. – А присосавшийся для наживы элемент побежал, увлекая за собой и сознательную массу» (37, 199). По Херсонской губернии, куда изливался поток бегущих из Крыма, слонялись банды дезертиров, получивших среди крестьян насмешливое название «житомирские полки» – за то, что они коротали время, скрываясь в жите, во ржи, промышляя грабежом и убийством. К ним присоединились, почувствовав гнильцу и неопределенность момента, местные криворожские бандиты, руководимые знаменитыми Склярком и Сидором, прозванным за свой огромный рост

«полтора Сидора»: «Это был зверь в образе человека, он мало того, что убивал, но вырезывал сердце, такую операцию он проделал на станции Белая Криница над одним матросом и одним красноармейцем латышского батальона» (37, 199). В той же Белой Кринице «полтора Сидора» был все же схвачен красными и убит.

Вообще, на Украине творилось что-то невообразимое: вслед за красноармейцами и бывшими махновцами, сведенными в 58-ю стрелковую дивизию, шли толпы беженцев (большинство этих людей погибли в страшном 1919 году, но пока что они были живы и, как всякие живые люди, хотели есть и пить и, главное, хотели уцелеть и спасти близких). Жара в то лето стояла невыносимая, над дорогами тонкой кисеей висела бурая пыль. Кичкасский мост через Днепр был забит толпами людей и гуртами скота; иногда появлялись битые, потерявшие всякое представление о ситуации на фронтах красноармейские части, требовали пропустить за Днепр немедленно, вклинивались в гущу людей: орали бабы, ревели быки, скрежетали орудия...

Наводить порядок на переправах выезжал сам Дыбенко, внушал ужас: описано, как командира какой-то растерявшейся части он на глазах народа, не разбираясь, как и что, для примера оборов, застрелил. Другого – тому повезло, оказался «братишка», матрос, – помиловал. Велел только развернуть людей на сто восемьдесят градусов и топать обратно, и, протопав километров пятьдесят или сто, окапываться и держать там позицию. В общем, послал на гибель – обычный грех, сопутствующий любому отступлению, когда верхи, потеряв контроль над ситуацией, бросают людей в огонь, чтоб получить хоть минутную передышку.

Спас Днепр – естественная водная преграда, преодолеть которую с наскоку белым было невозможно. Выстроив по Днепру линию обороны, красное командование спешило прежде всего разделаться с остатками партизанщины и выжечь, если таковой наличествовал, всякий дух своеволия. Степан Дыбец (из члена бердянского ревкома превратившийся в комиссара боевого участка от Херсона до Грушевки) упоминает, в частности, как пришлось разоружить мелитопольский полк, проявлявший явное своеволие и открытое нежелание вписываться в структуру большевистской армии. Но в целом повстанцы Махно показали себя бойцами надежными и хладнокровными: говорить, что именно они спасли фронт от полного развала, как делают апологеты Махно, конечно, глупо; но то, что дрались не за страх, а за совесть, то, что спасали, – не подлежит никакому сомнению. Об отношении к себе деникинцев бывшие партизаны никаких иллюзий не питали – те их считали скотом, взбунтовавшимся быдлом, достойным самого жестокого наказания. И как бы ни были мягки, как бы ни были проникнуты отвращением к большевистскому произволу и насилию «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, доблестные войска его, занимая пораженные «краснотой» районы, творили те же произвол и насилие, третируя фабричное население и прочий мелкотравчатый элемент, возомнивший себя хозяином земли, и уж совсем не сдерживались в таких проклятых перед Богом, Царем и Отечеством местах, как Гуляй-Поле. Здесь был учинен жесточайший погром: жгли дома махновцев и евреев, издевались, расстреливали; более 800 гуляйпольских евреев, вполне в духе петлюровцев, были изнасилованы казаками Шкуро. Жену батькиного брата Саввы Федору, прежде чем расстрелять, господа офицеры долго и вдумчиво пытали: били, кололи штыками, отрезали ей грудь. Сельхозкоммуны были разгромлены; земля и инвентарь опять возвращены прежним владельцам.

Несмотря на это, красные бывших махновцев все равно подозревали: если не в намерении изменить, то, так или иначе, в чем-то нехорошем. В этом отношении наиболее показательна судьба Василия Куриленко – одного из самых смелых и талантливых махновских командиров, которого не только некоторые дальновидные большевики старались залучить к себе, но который и сам, в общем-то, чем дальше, тем больше, склонялся – если можно так сказать – не к партизанчеству, а к красноармейчеству.

Степан Дыбец утверждает, что еще в период боев на повстанческом фронте Куриленко, командовавший Новоспасовским (по названию деревни) полком, намекал ему, что, зная бердянский ревком как солидных людей, он бы охотнее работал с ними, чем с Махно. Когда же Махно оставил командование дивизией, руки у Куриленко оказались развязаны, и он, ничуть не артачась, подчинился красному командованию и справно занялся обороной отведенного ему боевого участка. Испортил отношения с Куриленко опять же Дыбенко, продолжавший числиться командующим фактически более не существующей Крымской армии и потерявший пост наркомвоенмора Крымской советской социалистической республики, поскольку таковая была упразднена белыми. Неудачи военной и политической карьеры, неотступно преследовавшие Дыбенко со времени разгрома под Нарвой в 1918 году, досадовали его необыкновенно, и он ездил по фронту в чрезвычайном раздражении. Приехав вместе с Дыбцом в Новоспасовский полк, он, зная о причастности полка к махновщине, по ничтожному поводу устроил командиру Куриленко дикую выволочку перед строем бойцов (вспомним вскользь, что Дыбенко, хоть и бородатому, было тогда всего только тридцать годков, а он уже был шишка, номенклатура; Куриленко же было порядка двадцати восьми, но он был так себе, партизанский командир, которого можно было не только унижать безнаказанно, но и в порошок стереть в два счета). Куриленко все же не сдержался и отвечал партийному «генералу» довольно резко. Дыбенко приказал: отстранить Куриленко от командования полком и направить к нему в штаб в Никополь. Практически это был смертный приговор. Все понимали это. Знавшие Куриленко командиры Красной армии решили его не уступать и оставить командовать полком, надеясь, что дело забудется. Не тут-то было! Однажды, просматривая перечень полков, занимавших линию обороны по Днепру, Дыбенко вновь наткнулся на фамилию бывшего махновца и, вспомнив его дерзость, повторил вызов.

Дыбец не хотел терять Куриленко. Решено было на время спрятать его в штабе боевого участка. Куриленко вызвали в штаб. Он приехал, сопровождаемый эскадромом: иначе полк не отпускал.

Куриленко сказал, что еще пригодится Красной армии.

Сказал, что выполнит любой приказ, но к Дыбенко не поедет, ибо не хочет умирать униженно и зря.

Дыбец вышел к эскадрону и объявил о своем решении оставить пока Куриленко при штабе. Как комиссар, он должен был военную демонстрацию полка пресечь и осудить, и он сделал это: «Забирайте свой эскадрон, чтоб этой демонстрацией и не пахло. Понятно? И не вздумайте еще когда-нибудь нас припугнуть. Так легко вам это не сойдет...»

Люди выслушали комиссара. Люди сказали:

- Ты понимаешь, Дыбец, угроза тут неуместна, мы люди военные, но если что-нибудь с ним случится, с тебя будем спрашивать. Ты не обижайся. Но только таких, как Куриленко, у нас мало. Имей в виду, что твои приказы будут выполнены. Но не дай Бог выйдет какой случай с Куриленко. Не дай Бог нам его потерять... (5, 98).

Оказавшись в безопасности при штабе (из списка командиров полков Куриленко выбыл, а списками штабных Дыбенко не располагал), Куриленко, однако, стал томиться такою лютой тоской, что просил его либо расстрелять, либо дать ему хоть какое-нибудь дело. Ему поручили сформировать кавалерийский полк: ни людей, ни лошадей, ни оружия не дав при этом. Через неделю он привел полк в пятьсот человек, в конном строю, с мешками вместо седел, с пиками вместо сабель. Просил дать ему боевой участок, чтобы можно было отбить у белых лошадей и оружие.

Лучше всего характеризует Куриленко блистательно рассказанный Дыбецом эпизод проверки им присланного в полк комиссара. Куриленко интересовало: доверяют ли красные ему, что за птицу прислали – соглядатая или помощника, бойца или труса. Вместе с новым комиссаром Куриленко объехал эскадроны. Потом поинтересовался: «Может быть, у тебя, комиссар, есть замечания?»

- Нет, обойдусь без замечаний. Ты же опытный полковой командир. Поработаю, позабочусь о бойцах, чтоб они бодро жили.

- Правильные слова. Теперь еще одно к тебе дело. Прикинь-ка, какое тут расстояние до следующего села?

- Черт его знает. Пожалуй, верст пять-шесть.

- И это правильно. Глаз у тебя хороший. В бинокль на село хочешь посмотреть?

- Давай.

- Казачий разъезд видишь?

- Вижу.

- И я видел. А теперь едем туда молоко пить» (5, 115). Куриленко стегнул свою лошадь. Комиссару ничего не оставалось, как ехать за ним. Они подъехали к ближайшей хате – а казачий разъезд был в другом конце села, – попросили у бабы молока. Внезапно подскакал казак:

- Откуда вы? Какой части?

- А ты какой части? Вижу, что донец. – Разговаривая, Куриленко попивает молоко. – Много вас тут? Сотня где стоит?

- Там-то.

- А кто командир сотни?

- Такой-то.

- Ага, я так и думал. Поворачивай и доложи своему командиру, что приезжал в гости молоко пить красный полковой командир Куриленко. Понял, что я тебе говорю? (5, 116).

Покончив с молоком, Куриленко достал маузер:

- Если не поедешь докладывать, стреляю.

Казак сорвался прочь, а Куриленко с комиссаром хорошей рысцой поскакал в другую сторону. Комиссар ему понравился.

Рассказанная Степаном Дыбецом и записанная Александром Бекон история поистине романтична, полна особого очарования того беспощадного времени. Проникнувшись им, читатель захочет, может быть, узнать продолжение, захочет узнать, что стало с этим brave человеком, как кончил он свой путь - стал славным красным командиром или злая казачья пуля сразила его во цвете лет и силы? Нет. Слушай, читатель, то, чего недосказал Александр Бек: Василий Куриленко был зарублен в кровавом бою с красными в ночь на 8 июля 1921 года, после того как махновцы, уходя от преследования, прошли «изгородь» из пяти бронепоездов на линии Константиноград—Лозовая, вырвались из полного окружения возле деревни Константиновка и, разделившись на части, пытались уйти от погони. На хуторе Марьевка часть махновцев была истреблена «настигнута и изрублена», и среди них погиб «известный атаман» Василий Куриленко, в прошлом красный командир. Воистину - во время Гражданской войны неисповедимы пути Господа Бога нашего...

Кто бы, к примеру, мог предположить, что Махно уничтожит атамана Григорьева? Положительно, никто. Встречи двух атаманов боялись как огня, полагая, что она закончится невиданным сговором против советской власти. Но тогда, когда ее ждали, она не произошла, а когда произошла - вытанцевалось все иначе, чем представлялось и красным, и Григорьеву, видевшему в Махно нерешительного союзника, которого должно было несколько взбодрить объявление вне закона.

Однако последовательно. Пройдя, после заочного обмена любезностями с Ворошиловым, с отрядом своих повстанцев через Александровск и не обращая внимания на настойчивые мольбы предгубисполкома товарища Гоппе защитить город от белых, Махно перешел на правый берег Днепра и углубился в пустоватое пространство красного тыла, совсем еще недавно выжженного григорьевским восстанием, - в пространство, где по деревням еще шатались атаманские недобитки, а в городах стояли красные гарнизоны, прочие же части после подавления мятежа были двинуты против Деникина. Этот урок - передышки в сравнительно глубоком красном или белом тылу, когда воюющие стороны скованы напряженной борьбой и не могут позволить себе роскошь отвлекаться на рейдирующий позади фронта партизанский отряд, - Махно усвоил прекрасно. Впрочем, он все же напомнил большевикам о себе, совершив внезапный налет на Елисаветград - с целью

освобождения из местной тюрьмы заключенных там махновцев и анархистов, но налет закончился неудачей, гарнизон города мужественно защищался, и махновцы отскочили сильно потрепанными. Это был первый открытый выпад против недавних союзников.

Вообще же в это время – хоть счет шел буквально на часы и отряд находился в постоянном движении, шли на тачанках, останавливаясь на отдых на три-четыре ночных часа, – Махно проявляет некоторую нерешительность. Разрыв с большевиками его, пожалуй, травмировал. К тому же, перейдя с левого берега Днепра на правый, он оказался оторванным от своего района и вступал на территорию, контролируемую Григорьевым, который, несмотря на разгром и обещанную за его голову награду в полмиллиона рублей, все еще не был пойман и продолжал трепать красных уцелевшими небольшими отрядами. Теперь уже Махно нельзя было избежать встречи с мятежным атаманом. Встреча произошла в конце июня возле села Петрово, километрах в шестидесяти от линии фронта. О подробностях ее мы знаем из показаний Алексея Чубенко, которые тот дал ГПУ в 1920 году. Проверить их невозможно, сравнить не с чем. Поэтому вопрос – доверять ли целиком или принять как некую условную, приемлемую для ГПУ версию событий – остается проблемой для каждого читателя. Раздражают постоянные – нужные ГПУ и большевистской пропаганде – упоминания Чубенко о пьянстве Махно и членов его штаба. Он явно подчеркивает – это заметит внимательный читатель – эту особенность фронтового быта, явно выпячивает ее, хотя пили и в красных, и в белых штабах, и не только пили: в ход шел и кокаин, огромные партии которого ходили по России в это время. Согласно Чубенко, Григорьев приехал к Махно с тремя приближенными. Войдя в штаб Махно, первым делом спросил:

– А у вас тут жидов нет? Ему кто-то ответил, что есть.

– Так будем бить, – усмехнувшись, сказал Григорьев. «В это время подошел Махно и разговор Григорьева был прерван» (40, 79). Могла ли состояться подобная интерлюдия? В принципе, могла. Григорьев политических пристрастий четких не имел: он был военный, выскочка, выдвиженец войны, он, как Махно, не сидел шесть лет в кандалах за политику. Ища опоры и понимания в народе, он эксплуатировал самые темные его инстинкты – ненависть к евреям, которая была делом давним, а теперь вот подогревалась еще причастностью евреев к делам новой власти, к большевикам. Вот если бы эти слова были вложены в уста Махно, это была бы стопроцентная ложь. Послушаем, однако, что далее показывает Чубенко.

Махно и Григорьев поговорили об «Универсале» – обращении Григорьева к народу. Махно сказал, что кое с чем не согласен, но в целом хотя бы видимость взаимопонимания была достигнута, поскольку тут же было созвано совещание по объединению сил. «Махно задал вопрос: „Кого мы будем бить? Коммунистов?“ Григорьев отвечал: „Будем Петлюру бить“. Махно говорил, „что будем Деникина бить“, но Григорьев вдруг уперся, заявив, что Петлюру и коммунистов он знает, а Деникина не знает и ничего против него не имеет» (40, 79). Если рассказанное правда, то это поистине забавно: каждый атаман выражал готовность биться только с тем противником, которого «знал лично». Несколько раз то григорьевцы, то махновцы выходили посовещаться. Поначалу 7 из 11 махновцев были за то, чтобы с Григорьевым не соединяться, а немедленно его расстрелять. Махно, однако, настаивал на объединении, говоря, что григорьевские повстанцы – жертвы обмана, а Григорьева

расстрелять всегда успеется. В результате 9 из 11 проголосовали за объединение. Когда Аршинов, склонный изображать Махно революционным рыцарем без страха и упрека, пишет, что Махно с самого начала хотел убить Григорьева и все эти переговоры затеял только как камуфляж для этого убийства, он, в данном случае, исторической правды не выдерживает. Григорьев был нужен Махно. Убить Григорьева – значило обратить против себя его людей, а у Махно было слишком мало сил, чтоб отбиваться. Он явно хитрил. Батка решился на этот новый альянс, чтобы посмотреть, что получится. Зачем был Махно Григорьеву? Вероятно, он нужен был Григорьеву для того, чтобы своею физиономией как-то обозначить политическое лицо движения, лично у Григорьева совершенно стершееся во время мятежа, и придать партизанской борьбе идейный смысл, которого, как Григорьев сам понимал, явно недоставало.

Был образован совместный штаб. Григорьев был назначен командующим всеми вооруженными силами, а Махно – председателем Реввоенсовета, которому командующий подчинялся. Начштаба стал брат Махно Григорий, начальником снабжения армии – григорьевец, начальником оперативной части – снова махновец.

Союз, однако, получился некрепким: махновцы сразу заметили «кулацкую ориентацию» Григорьева, что не нравилось ни бойцам, ни командирам, ни анархистам из штаба: избивает евреев, грабит русских, разоряет крестьянские кооперативы, не гнушаясь поборами с бедняков, благоволит к кулакам, у которых если что и забирает, то только за плату... Махновцы, возросшие и окрепшие на экспроприации кулачества, к такому не привыкли. В «вольном районе» ничего подобного не водилось. Докладывали Махно и о недоразумениях более серьезных: о том, как Григорьев расстрелял махновца, который ругал попа и украл у него с огорода пучок луку, о том, как Григорьев втихую одному помещику отправил пулемет, два ящика патронов, винтовки и обмундирование на несколько человек, о том, как в районе Плетеного Ташлыка Григорьев в очередной раз уклонился от боя со шкуровцами, мотивируя отступательный маневр слабостью сил... Махно выслушивал, но до поры молчал. За месяц сотрудничества с Григорьевым он понял, что союз этот ему невыгоден. Политически Григорьев был деградант и авантюрист, от этого страдала репутация армии. Махно понимал, что поднять крестьян могут только революционные – хотя и не большевистские – лозунги. Григорьев начинал мешать ему. Однако, чтобы убрать Григорьева, нужен был повод более значительный, чем расстрел повстанца, укравшего лук у попа, и предполагаемое сочувствие белым: устранение Григорьева должно было быть понято его людьми – иначе дело могло обернуться междоусобицей. Но тут случай помог Махно: в конце июля повстанцы захватили двух подозрительных людей, которые, будучи представлены в штаб, хотели видеть самого Григорьева. «Махно назвался Григорьевым, и тогда один из них вынул письмо от командования белой армии, отправленное Григорьеву. Махно расстрелял парламентариев, а его штаб в тот же день за обедом, распивая самогонку, решил расстрелять Григорьева» (40, 81). Повод был хорош.

Вечером того же дня, 27 июля, в селе Сентове состоялся большой митинг – Аршинов вообще называет его «съездом повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии», утверждая, явно преувеличенно, что присутствовало около 20 тысяч человек. Григорьев выступал первым и призвал бороться с большевиками любыми средствами, в союзе с кем угодно – имея в виду, очевидно, белых. Местные крестьяне, однако, большого энтузиазма не

проявили, да и вообще бросалось в глаза их нежелание записываться в Повстанческую армию – из-за того, что григорьевцы и махновцы разбили крестьянский кооператив. Настал решительный момент. Чубенко выступил и назвал Григорьева контрой и царским слугою, у которого в глазах «до сих пор блестят его золотые погоны» (40, 81).

Григорьев вскинулся. Махно удержал его.

– Пусть говорит, – сказал он. – Мы с него спросим. После выступления Чубенко направился в помещение сельского Совета, за ним двинулись Григорьев с телохранителем, Махно, Каретников, Троян, Лепетченко, Колесник. Незаметно Чубенко изготовил на боевой взвод свой револьвер «библей».

Григорьев, видимо, ничего не подозревал. Он тоже был вооружен: двумя револьверами системы «парабеллум», один из которых висел в кобуре у пояса, а другой, привязанный ремешком к поясу, был заткнут за голенище.

– Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам? – обратился он к Чубенко.

Тот с холодной беспощадностью изложил атаману все его прегрешения: и бесплатные реквизиции сена у бедных крестьян, и расстрелянного махновца, и нежелание наступать на Плетеный Ташлык, где были шкуровцы. Когда Чубенко помянул двух офицеров, которые привезли Григорьеву ответ денкинцев, Григорьев понял, что попал в западню. Он схватился за револьвер, «но я, – пишет Чубенко, – будучи наготове, выстрелил в упор в него и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: „Ой, батько, батько!“ Махно крикнул: „Бей атамана!“

Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стреляя ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил» (40, 83).

Телохранитель Григорьева хотел убить Махно, но Колесник схватил его за маузер и случайно попал пальцем под курок, так что тот не мог выстрелить. Махно же, забежав сзади телохранителя, пять раз выстрелил ему в спину. При этом пулями, прошедшими навылет, был ранен и Колесник, который вместе со своим противником повалился на пол.

В тот же день григорьевцы были разоружены, какая-то часть их присоединилась к Махно, но небольшая. Махно же, покончив с Григорьевым, приказал во что бы то ни стало захватить одну из железнодорожных станций и телеграфировал: «Всем. Всем. Всем. Копия – Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись: Махно. Начальник оперативной части Чучко».

Казнь Григорьева произвела хорошее впечатление на леворадикальные круги и восстановила поколебленный было авторитет Махно среди левых эсеров и анархистов, которым Григорьев после всех бесчинств его солдатни и погромов представлялся более чем сомнительной фигурой. Москва хитренько помалкивала. Меж тем Махно, оказавшись во главе довольно крупного отряда, численностью тысячи в три человек, осмыслял новое свое положение. Он становился последним крупным партизаном на Украине. Он был последним

партизаном и первым среди партизан.

Ему ничего не оставалось делать, как начинать все сначала.

С развернутыми черными знаменами, с обозом беженцев, на тачанках, украшенных лозунгами «Свобода или смерть», «Земля – крестьянам, заводы – рабочим», отряд, вновь обретший революционный дух, двинулся на запад. В районе станции Помощная – где не было ни красных, ни белых, Махно остановился. Здесь он решил закрепиться и формировать новую армию. О том, что недостатка в бойцах у него не будет, он уже догадывался.

Для Красной армии ситуация на Украине складывалась все хуже. Фронт был разорван на части, прорыв белых в районе Харькова стал причиной спешного отхода войск. Высшее командование было растеряно до предела и столь же горячо поддавалось губительному унынию, сколь совсем недавно еще полно было ликованием по поводу скоро грядущей победы. Значительные силы на юге Украины не успели вовремя отойти и были, по существу, отрезаны белыми. Бывшие махновцы из 58-й стрелковой дивизии после расформирования Крымской армии Дыбенко оказались в рядах 12-й армии, очутившейся в наиболее тяжелом положении. Со взятием Екатеринослава и Полтавы и началом деникинского наступления в низовьях Днепра Южная группа войск оказалась в стратегическом окружении. Здесь, правда, надо учитывать, что в Гражданскую «окружение» не было явлением столь губительным, как, скажем, в Отечественную войну – несравненно меньшие силы были вовлечены в боевые операции, окруженными особенно некому было заниматься, некому было их планомерно уничтожать, закупорив в каком-нибудь «котле», которых так много было в 1941-м. В некотором смысле 12-я армия оказалась попросту в тылу у белых, точно так же, как в тылу у белых, несколько севернее красных, группировался возле Помощной Махно, к которому начали помаленьку прибиваться отступающие красные части. Сильнейшим ударом для командования 12-й был бунт 58-й дивизии и переход к Махно двух или трех бригад бывших махновцев, организованный Калашниковым и Дерменджи. С ними ушла и часть красноармейцев.

История с бунтом 58-й достаточна темна, чтобы вызвать наше любопытство. Официальные историки это обстоятельство упоминают невнятно и вскользь, словно его и не было. В. В. Комин пишет, например: «Вскоре вокруг батьки снова стали группироваться его бывшие и новые вооруженные отряды. Пришли к нему командиры Калашников, Будалов, Дерменджи со своими частями, порвав с красными» (34, 39). Аршинов, настроенный по отношению к Махно явно апологетически, от усердия трактует еще более туманно: «В конце июля крымские части большевиков сделали военный переворот и пошли на присоединение к Махно, взяв в плен своих командиров» (2, 135). Я понимаю, что Аршинову прежде всего надо засвидетельствовать разрыв «народа» с его лжедрузьями большевиками. Но из-за этого пропагандистского пафоса неясно даже, что «крымские части большевиков» – это в основном бывшие махновцы. Полным мраком покрыто присоединение к Махно красноармейской бригады под командованием М. Полонского – односельчанина батьки, который когда-то, в 1918-м, спорил с ним на митингах в Гуляй-Поле. В газетной заметке, посвященной Полонскому, утверждается, что командование бригады пошло на соединение с Махно под давлением обстоятельств, поскольку под Уманью-де бригада была окружена. Но это явная неправда: Махно оказался под Уманью после целой череды боев с белыми в

двадцатых числах сентября и сам был окружен, никто к нему не присоединился. Все уцелевшие части Южной группы Красной армии к тому времени пробились километров на 350 к северо-западу и в районе Житомира соединились с основными силами. А бунт 58-й дивизии случился на месяц раньше, в августе – следовательно, мы можем предположить, что командование бригады Полонского «под Уманью» никакого «решения», хотя бы даже и вынужденного, о присоединении к Махно не принимало, но в августе, когда забунтовала 58-я, просто покорилось обстоятельствам. Тут вылезает то, что историкам старой школы хотелось бы спрятать: с развалом фронта ряд частей Красной армии начал явно тяготеть к Махно, который недвусмысленно заявлял о своей готовности не оставлять Украину и отстаивать ее до конца: «Все, кому дорога свобода и независимость, обязаны оставаться на Украине и вести борьбу с денкинцами» (34, 40). Большевики, отступавшие в Россию, в этом контексте выглядели предателями. Махно же обещал разгромить Деникина и установить истинную советскую власть с настоящими коммунистами во главе. Притягательность его непрерывно росла.

Из воспоминаний о 12-й армии А. Кривошеева видно, что искать спасения у Махно красноармейцев вынудила не только злостная агитация его «агентов», но и чувство тупика и заброшенности, вызванное развалом фронта и оставлением Украины. «Армия стала рваться на клочки, потянулась отступить по разным направлениям. Екатеринослав был сдан. Неудавшие перейти Днепр потянулись к западу по Правобережью на соединение с частями Киевского района. Но белые пошли наперерез. Они разорвали армию на три клочка, один из которых отступил на Харьков—Екатеринослав, другой на Киев, а третий даже и сюда не мог попасть, так как в помощь белым еще и Махно начал разоружать своих же и перерезал линию Вознесенск—Помощная. К нему тогда целиком перешли две бригады, уже переформированные из Крымской армии, командование над которой принял тов. Федько и которая была названа 58-й дивизией» (37, 199).

Нарисовать в подробностях, как произошел бунт, нельзя: достоверных свидетельств нет, додумывать бессмысленно. Обойдемся теми малыми крохами, которыми мы располагаем. Степан Дыбец в своих воспоминаниях прямо свидетельствует, что бунт в дивизии был подготовлен приказом об оставлении позиций на Днепре и отходе на Кривой Рог: о том, что харьковский прорыв денкинцев грозит окружением с севера, бывшие повстанцы, составлявшие ядро дивизии, не знали. Сами они действовали успешно, поэтому приказ упал как снег на голову. Всюду пошел ропот: «Чего ж мы будем отходить, когда надо наступать?» (5, 119).

Опять сказались партизанские настроения. На марше несколько полков прямо заявили: «Не будем закрепляться, хватит отступать, надо идти в наступление, надо родные дома отвоевать» (5, 120). Однако не успела дивизия занять указанные ей позиции, как пришел новый приказ – отступать дальше, на линию Долинская—Николаев. «Теперь, – вспоминает Дыбец, – отступали со скандалами. Войска начали явно колебаться, митинговали, не хотели отходить. Самые надежные наши полки стали разлагаться... Полков пять или шесть отказались отступать... Тавричане тянутся в Таврию, мелитопольцы – на Мелитопольщину. А тут все дальше уходим, шагаем по херсонским степям. Подводы, скот, крестьяне, женщины – нет конца отступающему множеству. Обоз несусветный и нельзя от него избавиться: семьи идут с полками» (5, 120).

Ситуация эмоционально складывалась тяжелейшая и явно выходила из-под контроля. При переходе на линию Долинская—Николаев куда-то заделался 6-й Заднепровский полк, которым командовал бывший махновский командир Калашников. Командование бригады думало, что полк, со скотом и подводами, отстал в пути. Но это была не задержка. Это был бунт.

В ночь на 14 августа 6-й Заднепровский полк объявился в Новом Буге и арестовал весь штаб боевого участка. Сам Дыбец так описывает этот момент:

«Часа в четыре утра, в комнату, где я спал, стучат:

- Просят в штаб, экстренная телеграмма.

Открываю дверь. Вваливаются человек восемь. У меня в углу стояла винтовка. Отрезают меня от винтовки.

- Пожалуйте в штаб.

Все это показалось мне подозрительным. Но рожи наши - не из белого офицерья...

Иду в штаб с этой гурьбой. Входим. И вот:

- Возьмите еще одного арестованного...» (5, 121).

Калашников арестовал всех своих военкомов, всех политработников и объявил об измене большевиков и предательстве ими интересов народа Украины. Был арестован командир первой бригады Кочергин. Воспротивившийся перевороту отряд немцев-спартаковцев и моряков был разбит махновцами. Отдельным «надежным» частям, быстро собранным в батальон, в самом начале заварушки на подводах и тачанках удалось прорваться к штабу дивизии, к комдиву Ивану Федько. Эти части спешно были двинуты на Николаев и Одессу, на соединение с частями 45-й стрелковой дивизии, которой командовал Иона Якир. Но и в Николаеве обстановка была накалена до предела. Вот-вот мог вспыхнуть бунт. Поскольку экипажи автоброневиков колебались, переходить к Махно или нет, решено было взорвать броневики. Были взорваны лучшие, вооруженные морскими орудиями: «Спартак», «Урицкий», «Худяков» и «Имени Свердлова». Подоспевшие части мятежников внесли еще больший разлад. Штаб дивизии, вместе с Федько, был арестован. На митинге агитаторы Калашникова звали красноармейцев в Повстанческую армию, говорили об измене большевиков и требовали предать их суду народа. Самосуд был предотвращен частями дивизии, состоявшими из московских рабочих, которым удалось освободить командиров. Вскоре подошли войска 45-й дивизии, посланные для усмирения беспорядков. Видя, что сагитировать оставшиеся части не удастся, махновцы, запалив вокзал и склады, оставили город. К восставшим, правда, перешли расчеты 40 орудий, сами же пушки были брошены.

Случившееся можно истолковать в самых различных терминах. Естественно, в первую голову говорят о подрывной пропаганде махновцев, прельстивших красноармейцев вольностями службы в Повстанческой армии. Аршинов как будто подтверждает это: «Был дан пароль свергать красных командиров и группироваться под общим командованием

Махно» (2, 129). Кубанин тоже не считает восстание стихийным. По его мнению, махновцы продемонстрировали традиционную хитрость, сохранив свои части под видом красноармейских, а потом «взорвав» дивизию изнутри. И только из воспоминаний Дыбеца становится ясно, насколько сильна была эмоциональная подоплека выступления – хотя и он не пишет о колоссальном разочаровании народа Украины в большевиках, как своих правителях и защитниках. К тому же присутствие баб на возах, конечно, сказалось роковым образом. Советские историки именно этого не хотят замечать – что бунт 58-й дивизии случился из-за желания драться с белыми, отвоевать свои очаги. И в этом желании единодушными оказались и преданный Махно Калашников, и Куриленко, который о Махно имел свое суждение и даже, оказавшись среди восставших, заявил, что со своим полком придерживается самостоятельной политической линии. Отныне, однако, судьба его была решена: он был в числе бунтовщиков, он вновь из комполка превращался в атамана.

То, что оставление Украины и пространств юга России было для многих людей огромной личной трагедией, очень трудно понять, не пережив опыт беженства. Для кого-то движение фронта было лишь перемещением флажков на карте, занимательной военной игрой, а для кого-то личной драмой, разворачивающейся в дилемму: уходить от родного дома или биться за него? На этот вопрос должен был ответить каждый мужчина, каждый воин. И если взглянуть на происходящее с этой точки зрения, то с мятежом 58-й дивизии легко соотнести так называемый «мятеж» командира донского казачьего корпуса Ф. К. Миронова, будущего командира 2-й Конной, который тоже в конце августа не выдержал и, разметав стоящие перед ним красноармейские части, двинулся из Саранска освобождать от белых родные станицы. Предательство большевиков казалось и ему совершенно очевидным. «Чтобы спасти революционные завоевания, – писал он в своем воззвании, – остается единственный путь: свалить партию коммунистов. Причину гибели нужно видеть в сплошных злостных деяниях господствующей партии, партии коммунистов, восставивших против себя общее негодование и недовольство трудящихся масс... Вся земля – крестьянам, все фабрики и заводы – рабочим, вся власть – трудовому народу в лице подлинных советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Долой единоличное самодержавие и бюрократизм комиссаров и коммунистов!» (31, 125). Текст этого воззвания кажется написанным под диктовку Махно. И тот и другой пытались осмыслить и каким-то образом выразить свой протест против диктата и гнусности формирующегося режима. Правда, из мироновского мятежа вышел конфуз: с ним выступил недоформированный корпус, числом всего человек в 500. И даже в партизанский отряд, рейдирующий по тылам Деникина, мироновцы не успели превратиться, ибо были блокированы и разоружены. А с Мироновым вышла странная история. Его арестовали и судом трибунала приговорили к смерти. А потом вроде бы ВЦИК за предыдущие революционные заслуги помиловал его. Но в том-то и дело, что весь процесс был инсценированный – и о приговоре и о последующем помиловании все было известно заранее. Инициатором спектакля, кажется, был Троцкий: ему нужно было Миронова наказать, но расстреливать его он опасался, боясь, что взметнутся красные казаки, и тогда, пожалуй что, фронту не устоять. Он расправился с Мироновым, когда Гражданская война уже закончилась: что-то тот не то сказал о политике партии, его арестовали снова и в 1921-м расстреляли-таки во дворе Бутырской тюрьмы под циничным предлогом – «попытка к бегству».

С махновцами вышло иначе: из Нового Буга Калашников повел к Помощной на соединение с Махно двенадцать тысяч человек. Это была большая сила. Пленных везли с собой. «Всем нам, рабам божьим, Калашников заявил, что расстреливать нас не будет, а довезет к Махно», – вспоминал С. Дыбец. Охраняла арестованных рота когда-то разоруженного им за самовольный уход с фронта мелитопольского полка, но из-за того, что в свое время Дыбец командиров полка не расстрелял, отношение к пленникам было сносное. «Калашникову пришлось считаться еще с тем, что некоторые полки, хотя и двигавшиеся с ним к Махно, оставались в той или иной мере нашими, – свидетельствует Дыбец. – Полк Куриленко был за нас, новоспасовцы тоже. Они открыто заявили Калашникову, что если на пути к Махно что-либо произойдет со штабом, то перестреляют весь 6-й Заднепровский (полк Калашникова. – В. Г.). И, как я заметил... даже выделили своих делегатов, которые наблюдали, чтобы ничего с нами не стряслось» (5, 126).

В селе Добровеличковке[11] Махно на белом коне встретил армию, которую вел к нему Калашников. Расцеловался с ним. Калашников указал на пленных:

– Вот доставил на твое усмотрение штаб боевого участка. Махно даже не оглянулся в сторону арестованных:

– Что ж, всех расстреляем.

В разговор вмешался Уралов, анархист из культпросветотдела, знавший Дыбеца еще по Бердянску:

– Как же расстрелять, когда там Дыбецы? Он и она.

– А, Дыбецы! – вскрикнул Махно. – Ну-ка, дай его сюда!

– Известно ли тебе, что я теперь коммунистов расстреливаю, так как объявлен вне закона?

– Известно.

– Ну так вот что. Рука у меня не поднимается на этого старого ренегата. Может быть, это моя слабость, но я его не расстреляю. И приказываю, чтобы волос с его головы не упал в распоряжении моих войск... Слыхали? (5, 127).

Как воспринимать слова Дыбеца относительно того, что Махно расстреливал коммунистов, не совсем ясно: осенью 1919 года коммунистов в махновской армии было много, двое были членами Реввоенсовета, но летом, по горячим следам «отлучения», возбужденный происходящим, Махно мог, конечно, и расстрелять несколько человек. Достоверных данных на этот счет нет, несмотря на то, что расстрел во время Гражданской войны был делом совершенно заурядным; это была универсальная, принятая во всех армиях форма наказания, едва ли не единственная. Несмотря на слова Махно, заступничество Волина и Уралова, вопрос об участии пленников поднимался еще не раз: крестьяне-командиры Повстанческой армии были озлоблены на большевиков и хотели крови. Дыбец вместе с женой был посажен под замок и в конце концов представлен на суд Реввоенсовета Повстанческой армии, где большинством голосов был приговорен, по скромной логике того

времени, к расстрелу.

«Когда проголосовали, Махно долго молчал, а потом сказал:

– Нет, не дам его расстрелять. Таких людей нельзя расстреливать» (5, 132). Дыбец предполагал, что на вынесение этого вердикта повлиял телефонный разговор Махно с Федько: последний вроде бы поклялся, что, если пленники будут расстреляны, ни один махновец не будет пощажен частями Южной группы. Это, конечно, смешно. Во-первых, на пощаду красных махновцы давно не рассчитывали. Во-вторых, командование Южной группы Красной армии само боялось, как бы остатки ее не переметнулись к Махно, так что подобных угроз Махно опасаться было нечего. Правда, его телеграмма в Москву об убийстве Григорьева дает нам основания думать, что поначалу он еще ждал – не «прощения», конечно, поскольку виноватым он себя не чувствовал, – а, скажем так, примирения, за которым последовало бы восстановление его в правах и в командной должности. Во всяком случае, он нащупывал контакт. Ко времени же бунта 58-й положение изменилось: Москва ответа не дала, большевики бросали Украину. Махно с каждым днем крепчал, и пробравшиеся к нему из Харькова анархисты «Набата» говорили, что все это – только начало новой, подлинно народной революции на Украине. Поэтому тон разговоров Махно с большевиками изменился.

А. Кривошеее интересно вспоминает, что, когда решался вопрос об отходе на север Южной группы И. Э. Якира (то есть 45-й, 47-й и остатков 58-й дивизий), решено было попытаться договориться с Махно, чтобы он не трогал отступающие войска и вообще, быть может, склонился бы действовать заодно с красными, пока на Украине такое дело. Знавший Махно В. П. Затонский (тот самый, что выписывал когда-то батюшке липовый паспорт на Украину) сказал, что в таких переговорах участвовать не будет и за последствия объединения красных частей с Махно ответственности на себя не возьмет.

На переговоры поехал политком 45-й дивизии Голубенко. Со станции Голта он дозвонился до Махно и изложил предложение красного командования. Махно выслушал Голубенко. Махно сказал: «Вы обманули Украину, а главное, расстреляли моих товарищей в Гуляй-Поле, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности ответственными работниками, поступлю так же, как вы с моими товарищами в Гуляй-Поле, а затем будем разговаривать о совместных действиях» (37, 201).

Узнав об ответе Махно, начдив 58-й Федько действительно заявил, что в походе за остатки дивизии не может ручаться, так как она своим правым флангом неминуемо соприкоснется с разведками Махно «и безусловно вся перейдет на его сторону» (37, 201). Особенно боялись за самый боевой 1-й полк, составленный из крестьян Днепровского уезда. Чтобы «проскочить» мимо Махно, в войсках были предприняты перестановки, «ненадежные» части перемещались на левый фланг, ввязывались в авангардные бои с кружившими вокруг петлюровцами... Так что, конечно, не страх перед мстостью Федько вынудил Махно помиловать Дыбеца. Пройдя и тюрьмы, и войну, Махно сохранил в душе своей какую-то странную, полудетскую привязчивость к людям, еще усиленную в юношеских революционных забавах чувством стаи, а в тюрьме закаленную делением на «своих» и «чужих». Уж если он кого-то любил – то любил. Если ненавидел – то ненавидел. Он

бесконечно и преданно уважал Аршинова, доверял его «учености». Лучшими друзьями его были Семен Каретников и Исидор, по прозвищу Петя, Лютый – человек совсем простой даже среди повстанцев, бывший маляр. Дыбец для Махно был не только одним из тех анархистов-интеллектуалов, что в эмиграции выпускали литературу, которая потом нелегально доставлялась в Россию именно для таких, как Махно, горячих голов (в конце концов Дыбец перекрасился в большевизм, и его анархистское прошлое было зачеркнуто), но он был напоминанием о весне повстанчества. Поэтому его следовало отпустить.

Дыбеца и его жену, Розу, собирал в дорогу анархист Уралов. Снабдил каким-то документом, велел сменить знаменитые на всю Украину красные революционные сапоги на обычные. Махно тоже пришел попрощаться.

- Что сказать, если я выберусь к своим? – спросил Дыбец.

- Ничего не передавай. Десять раз вне закона объявляли. Не буду больше с большевиками работать, – то ли грустно, то ли раздраженно сказал Махно (5, 137).

Дыбецы оставляли партизанский лагерь. Штаб, войска, повозки, бабы, дети. скот. Пятнадцать тысяч мужчин, мужей и братьев оставались здесь, чтобы предотвратить белое нашествие. Через несколько дней они уже будут драться в тяжелейших боях, совершая отчаянные атаки, чтобы отбить снаряды и патроны, а еще через месяц едва ли пятая часть этих людей, оставшихся в живых, совершит одну из самых дерзких операций, которая неожиданно изменит весь ход Гражданской войны.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 апреля 2025 11:16:40

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 апреля 2025 11:17:02